
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

GEORGE ELIOT

Adam Bede

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Адаш Бид

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4
Э46

*Перевод с английского
журнала «Отечественные Записки», 1859–1860*

Элиот, Джордж

Э46 Адам Бид / Д. Элиот ; [пер. с англ. журнала «Отечественные Записки», 1859–1860]. — М. : РИПОЛ классик. — 640 с. — (В поисках утраченного времени).

ISBN 978-5-519-64476-1

«Адам Бид» — дебютный роман знаменитой английской писательницы Джордж Элиот. Одно из самых известных произведений в мировой литературе, мгновенно ставшее популярным с момента публикации в 1859 году.

Главный герой, Адам Бид — трудолюбивый, порядочный, обладающий сильной волей и добрым сердцем плотник. Он без памяти влюблен в прекрасную Хетти Соррель. Но девушка отвергает любовь Адама ради Артура, внука местного сквайра. Их тайные свидания приводят к трагическим последствиям, разрушившим тихую и безмятежную деревенскую жизнь.

На русском языке роман выходил больше ста лет назад, и теперь он вновь доступен для читателей.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

ISBN 978-5-519-64476-1

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

КНИГА ПЕРВАЯ

|.

Мастерская

Египетский чародей с одною только каплею чернил, которую он употребляет как зеркало, предпринимает открыть всякому нечаянному посетителю обширные видения прошедшего времени. То же самое предпринимаю и я относительно вас, читатель! С каплею чернил на конце моего пера я представлю вам просторную мастерскую мистера Джонатана Берджа, плотника и строителя в деревне Геслоп, в том виде, в каком она находилась восемнадцатого июня, в лето от Рождества Христова 1799-е.

Послеобеденное солнце сильно пекло пятерых работников, трудившихся над дверьми, оконницами и панельными обшивками. Запах соснового леса, распространявшийся от кучи досок, собранных за открытою дверью, смешивался с запахом кустов бузины, цвет которых, белый как снег, виднелся у самого открытого окна, находившегося с противоположной стороны мастерской; косые солнечные лучи светились сквозь прозрачные стружки, поднимавшиеся от твердого рубана, и ярко освещали тонкие нитки дубовой панели, которая была прилонена к стене. На куче этих мягких стружек устроила себе удобную постель обыкновенная серая овчарная собака и лежала, уткнув нос между передними лапами и по временам нахму-

ривая брови, чтоб бросить взгляд на самого высокого из пяти работников, вырезавшего щит в средине деревянной каминной доски. Этот работник обладал сильным баритоном, покрывавшим звук рубана и молотка; работник пел:

Awake, my soul, and with the sun
The daily stage of duty run;
Shake off dull sloth...¹

В это время понадобилось снять мерку, что требовало более сосредоточенного внимания, и звучный голос изменился в тихий шепот; но вдруг он раздался с новою силою:

Let all thy converse be sincere,
Thy conscience as the noonday clear².

Таким голосом могла обладать только широкая грудь; а широкая грудь принадлежала мускуловатому человеку футов шести росту. Его спина была так прямая, голова покоялась на плечах так ровно, что когда он приподымался для того, чтоб лучше обозреть свою работу, то походил на стоящего вольно солдата. Рукав, засученный выше локтя, обнаруживал руку, которая, очень вероятно, могла бы выиграть приз, назначаемый за подвиг, доказывавший силу, между тем как длинная гибкая кисть руки с широкими кончиками пальцев, казалось, годилась бы для художественных занятий. По своему высокому росту и крепкому сложению Адам был саксонец и оправдывал свое имя³; но черные, как смоль, волосы, цвет которых высту-

¹ Вспрянь, моя душа, и с первыми лучами солнца
Спеши на дневное поприще твоей обязанности;
Отжени от себя скучную лень...

Английский церковный гимн.

² Да будут искренни все твои отношения
И совесть, как полдень, чиста.

³ St. Beda, род. в 672 г. в Нортемберленде, воспитывался в бенедиктинском монастыре Св. Петра в Вермоуте, впоследствии сделался в монастыре Св. Павла в Ярро монахом, дьяконом и пресвитером. Он прозвывался *venerabilis* (Почтенный) и известен своими историческими, богословскими и др. сочинениями. — Здесь и далее примеч. пер.

пал еще более при светлом бумажном колпаке, и проницательные черные глаза, резко оттеняемые выдававшимися вперед и подвижными бровями, свидетельствовали и о присутствии кельтической крови. Он имел большое лицо с крупными чертами, которое нельзя было назвать красивым; но когда оно было спокойно, то имело выражение лица добродушного, честного человека.

С первого взгляда легко было узнатъ, что следующий работник был брат Адама. Он был почти одного с ним росту, у него были те же черты лица, тот же цвет волос и такое же сложение; но это самое фамильное сходство делало еще очевиднее замечательное различие, существовавшее в выражении лица и в фигуре обоих братьев. Широкие плечи Сета были несколько сгорблены, глаза серые; брови выдавались вперед не так, они не были столь подвижны, как брови брата; в его глазах выражалась не проницательность, а доверие и кротость. Он сбросил свой бумажный колпак, и вы видите, что его волосы не густы и не жестки, как у Адама, а тонки и волнисты, так что вы вполне можете различить очерк его лба, выдающегося над бровью.

Ленивцы были уверены, что всегда получат от Сета какуюнибудь медную монету; но они никогда не обращались за тем же к Адаму.

Концерт инструментов и голоса Адама был наконец прерван Сетом. Последний, подняв дверь, над которой трудился с напряженным прилежанием, поставил ее к стене и сказал:

— Ну, вот, я на сегодня кое-как и покончил с мою дверью.

Все работники остались работу и взглянули на говорившего. Джим Сольт, дюжий рыжеволосый детина, известный под именем рыжего Джима, перестал строгать, и Адам с чрезвычайным удивлением обратился к Сету:

— Как, неужели ты думаешь, что кончил дверь?

— Конечно, — может быть, сказал Сет в свою очередь с удивлением, — чего же еще недостает в ней?

Громкий смех, которым разразились другие три работника, привел Сета в смущение. Адам не участвовал в общем хох-

те; но на лице его все же появилась легкая улыбка, и он более мягким тоном, нежели прежде, сказал:

— А ты и забыл панели.

Все снова залились хохотом. Сет ударил себя руками по голове и покраснел до самых ушей.

— Ура! — воскликнул небольшого росту живой малый, которого звали Жилистый Бен, выскочив вперед и схватив дверь. — Мы повесим дверь в конце мастерской и напишем на ней: «Работа Сета Бида, методиста». Послушай, Джим, подай-ка сюда горшок с красной краской.

— Стой! — сказал Адам. — Перестань дурачиться, Бен Крэндж! Ты сам, может быть, сделаешь когда-нибудь такую же ошибку, как же ты будешь смеяться тогда?

— Ну, поймай-ка меня в этом, Адам! Еще пройдет довольно времени, пока моя голова будет набита учением методистов, — сказал Бен.

— Зато она часто бывает наполнена винными испарениями, а это еще хуже.

Несмотря на то, Бен взял уже в руки горшок с красною краской и собирался писать свою надпись, рисуя предварительно букву С по воздуху.

— Полно, говорю! — воскликнул Адам и, положив свои инструменты, шагнул к Бену и схватил его за правое плечо: — Оставь его в покое, или я вытрясу твою душу из тела.

Бен содрогнулся в железных объятиях Адама; но, несмотря на свой небольшой рост, он был очень задорен и не думал уступить. Левою рукою он вырвал кисть из обессиленной правой руки и сделал движение левою рукою, как будто желал совершил ею свой подвиг. В одну секунду Адам повернул его кругом, схватил за другое плечо и, толкая перед собою, так сказать, пригвоздил его к самой стене. Но тут вступил Сет:

— Оставь, Адам, оставь. Бен только шутит. Ведь он имеет право смеяться надо мною... Я сам должен смеяться над самим собою.

— Я до тех пор не оставлю его, пока он не даст мне обещания, что не тронет двери, — сказал Адам.

— Полно, Бен, — сказал Сет убеждающим тоном. — Не станем заводить ссоры из-за пустяков. Ты знаешь, Адам непременно захочет поставить на своем. Ты скорее повернешь телегу в узком месте, нежели заставишь Адама уступить. Скажи, что ты более не тронешь двери, и кончи эту историю.

— Я вовсе не боюсь Адама, — сказал Бен. — Но перестаю только по твоей просьбе, Сет!

— Вот это умно с твоей стороны, Бен! — сказал Адам, смеясь и выпуская жертву из своих объятий.

Затем все они возвратились к своим работам; но Жилистый Бен, уступив в физической борьбе, решился отмстить за свое унижение насмешками.

— О чём же ты думал, Сет? — начал он. — О красивом лице пасторши или ее речи, что ты забыл о панели?

— Приди и послушай ее, Бен, — сказал Сет добродушно. — Она будет говорить проповедь сегодня вечером на Лугу; может быть, ты тогда и призадумаешься о себе самом и выкинешь из головы эти грязные песни, до которых ты такой страстный охотник. Может быть, ты сделаешься верующим, а ведь это будет самым лучшим дневным заработком во всю твою жизнь.

— На все придет свое время, Сет! Я успею подумать об этом, когда буду вести оседлую жизнь: холостякам незачем хлопотать о таких важных заработках. Может быть, я стану свататься и ходить в церковь в одно и то же время, так, как ты делаешь, Сет; но ты не захочешь, чтоб я стал верующим и втерся между тобою и хорошенъкою проповедницею и увез ее.

— Это не страшно, Бен, я уверен, что ни мне, ни тебе не удастся привлечь ее. Ты только приди и послушай ее, и тогда ты не будешь отзываться о ней так легкомысленно.

— Хорошо, я, пожалуй, приду послушать ее сегодня вечером, если не будет хорошего общества в «Остролистнике». На какой текст будет она проповедовать? Ты, может быть, расскажешь мне, Сет, если мне не удастся прийти вовремя. Не будет ли она проповедовать на следующий текст: «Кого пришли вы видеть? Пророчицу? Истинно, истинно, говорю вам, и более,

нежели пророчицу... необыкновенно красивую молодую женщину»?

— Послушай, Бен, — мрачно произнес Адам, — оставь в покое слова Библии: ты уж зашел слишком далеко.

— Что-о, да разве ты уже обратившийся, Адам? Я думал, что ты глух к проповедям женщин.

— Нет, я не обращаюсь ни к чему. Я ничего не говорил о проповедях женщин; я говорю: оставь Библию в покое. У тебя есть собрание грязных шуток — не так ли? — которое ты считаешь чрезвычайно редким и которым ты очень гордишься? Ну, ты и трогай своими грязными пальцами эту книгу.

— Да ты стал таким же святым, как Сет. Я думаю, что ты отправишься сегодня на проповедь. Мне кажется, ты был бы отличным регентом певчих. Но я не знаю, что скажет пастор Ирвайн, когда узнает, что его большой фаворит Адам Бид сделался методистом.

— Не беспокойся, пожалуйста, обо мне никогда, Бен! Я так же намерен сделаться методистом, как и ты... разумеется, я думаю, что ты, скорее всего, обратишься к чему-нибудь дурному. Мистер Ирвайн очень хорошо понимает, что ему незачем вмешиваться в дела людей касательно религии. Он не раз говорил мне, что эти дела касаются их самих и Бога.

— Да, конечно; несмотря на то, он, однако ж, не очень то любит ваших диссидентов.

— Может быть. Я не очень-то люблю густой эль Джош-Тода, но я не мешаю тебе напиваться этим элем и делать глупости.

За этим ударом Адама последовал хохот; но Сет весьма серьезно заметил:

— Нет, нет, Адди, ты не должен сравнивать веру какого-либо человека с густым элем. Ведь ты знаешь, что учение диссидентов и методистов основывается на тех же началах, как и господствующая религия.

— Нет, Сет, я никогда не насмехаюсь над верою, которую исповедует кто-нибудь, какова бы она ни была. Пусть каждый поступает сообразно с своею совестью, вот и все. Я думаю только, что было бы лучше, если бы люди, слушаясь своей сове-